

3. *Баскова, М. Е.* Прагмалингвистические и интеракционные характеристики высказываний несогласия (на материале современного английского диалога) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. Е. Баскова. – СПб., 1992. – 176 л.
4. *Любимова, М. К.* Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М. К. Любимова ; Тамб. гос. техн. ун-т. – Тамбов, 2004. – 21 с.
5. *Горбачева, Е. Н.* Лингвокультурный коммуникативный концепт «спор» / Е. Н. Горбачева // Жанры речи : сб. науч. ст. / Ин-т филол. и журналист. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2007. – Вып. 5. – С. 209–224.
6. *Архипова, Е. В.* Речевой акт согласия / несогласия как объект лингвистических исследований / Е. В. Архипова // Язык и дискурс : семантический, прагматический и лингводидактический аспекты : сб. науч. тр. преподавателей фак-та иностр. яз. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: Т. Н. Талецкая (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2011. – С. 117–126.
7. *Jarząbek, K.* Gestykulacja i mimika : Słownik / K. Jarząbek. – Katowice : Śląsk, 1994. – 208 s.
8. *Якобсон, Р. О.* Да и нет в мимике / Р. О. Якобсон // Язык и человек : сб. ст. памяти проф. П. С. Кузнецова (1899–1969) / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1970. – Вып. 4. – С. 284–289.
9. *Воронина, Т. М.* Концептуализация согласия в русском языке: когнитивные признаки и их взаимосвязь / Т. М. Воронина // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы V Конгр. РОПРЯЛ, г. Казань, 4–8 окт. 2016 г. / РОПРЯЛ ; ред. кол.: Л. А. Вербицкая [и др.]. – СПб., 2016. – С. 101–105.
10. *Латушка, Г. П.* Сінтаксічна нячленныя выказванні са значэннем згоды і нязгоды ў славянскіх мовах : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.19 / Г. П. Латушка ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2019. – 24 с.

А. В. Ломовая, В. Ф. Руцкая
г. Минск, Беларусь

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ В АНГЛИЙСКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

XXI век можно назвать эпохой глобализации не только экономической, но и лингвистической: растет влияние языков мирового значения (английского, китайского, испанского и других), создается и развивается общее информационное пространство, стираются границы между культурами. В связи с этим сопоставительное изучение языков остается неизменно популярным направлением лингвистических исследований, которые не только открывают перспективы улучшения качества межкультурной комму-

никации, но и помогают сохранению национальной и культурной идентичности, особенно в случае, если число носителей того или иного языка ограничено.

Фразеология представляет особый интерес для сопоставительного изучения, так как помимо выполнения чисто языковых функций (номинативной и стилистической), идиомы отражают национально-специфические представления о мире, так называемую языковую картину мира [1, с. 3]. Кроме того, фразеологические единицы (ФЕ) вообще и поговорки, афоризмы) в частности содержат аксиологический компонент, т.е. постулируют те или иные ценности, нормы морали и нравственные установки, нередко контрастные [1, с. 4; 2, с. 8].

Сопоставительные исследования нацелены на поиск универсального и специфического в родственных и неродственных языках. Так, во многих языках мира существуют фразеологизмы, компонентами которых выступают названия животных (зоонимы) и части тела (соматизмы) [3, с. 21; 4, с. 76; 5, с. 215]. Особенно отчетливо тенденция к унификации наблюдается при изучении фразеологизмов с числовым компонентом. С одной стороны, числительные отражают объективное количество тех или иных объектов реальности, с другой – семантика идиомы как единого целого не соответствует в полной мере семантике входящих в нее лексических единиц. Так, Е. П. Маяк отмечает, что белорусские и английские поговорки с количественными компонентами проявляют общую тенденцию к обозначению некоторого количества (количественные семы ‘много’ и ‘мало’) и одновременно способны реализовать аксиологическую оценку (‘хорошо’ – ‘плохо’) [6, л. 11]. Например, отношение к работе, отраженное в таких поговорках, оказывается различным: в белорусской поговорке *Адным махам дрэва не заваліш* нумератив *адзін* дает отрицательную оценку (‘недостаточно’), в то время как *one* в английской поговорке *By one and one spindles are made* ‘Одно за одним (т.е. постепенно) веретена крутятся’ помогает выразить положительную оценку (‘достаточно’) [6, л. 122–123]. В то же время одна и та же идея может реализовываться в поговорках с разными числовыми компонентами: ср. *Пан і поп – аднаго* поля ягады и *A master and a priest are two of a kind* ‘Хозяин и священник – одинаковые’ (досл. *два представителя одного рода*) [6, л. 137].

Материалом нашего исследования послужили английские и литовские фразеологические единицы с числовыми компонентами от одного до десяти (90 ФЕ и 97 ФЕ соответственно), отобранные из словарей «Cambridge International Dictionary of Idioms» [7], «Cambridge Cobuild Dictionary of Idioms» [8] и «Frazeologijos žodynas» [9]. Цель данной работы – выявить общее и различное в передаваемых такими фразеологизмами значениях.

Самым частотным компонентом фразеологизмов оказалось числительное *one/vienas* ‘один’ (32 ФЕ в английском и 47 ФЕ в литовском языке), что соответствует данным сопоставительных исследований других пар языков (например, английского и белорусского [6, л. 134]). Числительное *one* в составе английских ФЕ выполняет ряд разнообразных функций:

1) положительная оценка таких качеств, как единство (*one bone, one flesh* ‘одна кость, одна плоть’), умеренность (*better one small fish than an empty dish* ‘лучше одна маленькая рыбка, чем пустая миска’) и др.;

2) отрицательная оценка таких качеств, как поспешность действий либо суждений (*one swallow doesn't make a summer* ‘одна ласточка весны не делает’), лень (*the mouse that has but one hole is quickly taken* ‘мышка, у которой одна норка, быстро погибает’) и др.;

3) усиление характеристики субъекта при сочетании с качественным прилагательным или оценочным существительным (*one rotten sheep infects the whole flock* ‘одна паршивая овца все стадо портит’, *one fool makes many* ‘из-за одного дурака многие становятся дураками, т.е. дурной пример заразителен’);

4) создание контраста в дихотомиях «один – другой» и «один – много» (*in at one ear and out of the other* ‘в одно ухо влетело, в другое вылетело’, *one good head is better than a hundred strong hands* ‘одна умная голова лучше, чем сотня сильных рук’).

Числительное *vienas* в составе литовских ФЕ выполняет схожие функции:

1) положительная оценка таких качеств, как единство (*per viena* ‘за одного, т.е. все вместе’, *vienas iš vieno* ‘один из одного, т.е. избранный, лучший’, *vienu balsu* ‘одним голосом, т.е. единогласно’), стойкость (*už vienas aiňtro* ‘один за другого, т.е. не сдаваться’), согласие (*iš vieno eiti* ‘из одного идти, т.е. ладить’) и др.;

2) отрицательная оценка таких качеств, как риск (*ant vieno/vienos eiti* ‘на одного/одну идти, т.е. рисковать’), равнодушие (*vis viena* ‘все одно, т.е. все равно’) и др.;

3) усиление характеристики субъекта (*kaip vienas* ‘как один, т.е. очень похожи’, *vienas o vienas* ‘один в один, т.е. одинаковые’);

4) создание контраста в дихотомиях «один – другой» (*vienas kala, kitas auksina/dailina* ‘один кует, другой золотит/украшает, т.е. много болтать, нести вздор’).

Особенностью литовских ФЕ с числовым компонентом *vienas* является их морфологическая вариативность: в состав фразеологизма с одним и тем же значением могут входить различные приставочные глаголы, предлоги с различным падежным управлением, а само числительное склоняется не только по падежам, но и по родам (мужскому и женскому). Например, в 6 ФЕ с одинаковым значением ‘все-все, все до одного’ (*iki be vienam, iki vienam, iki vieno, be vieno, be vienojo, vienas vienõj*) числительное употребляется в родительном (*vieno*), дательном (*vienam*) и творительном (*vienojo*) падежах.

Числительное *two/du* ‘два’ является частотным компонентом английских фразеологизмов (29 ФЕ), в то же время в литовском оно выступает в составе всего 6 ФЕ. Английское числительное *two* передает значение выбора, часто трудного (*of two evils choose the least* ‘из двух зол выбирать меньшее’), различия/контраста (*saying and doing are two things* ‘говорить и делать – это две разные вещи’), ссоры, раздора (*two of a trade never agree* ‘два мастера

редко соглашаются друг с другом'), опасности (*between two fires* 'меж двух огней'), бедности (*make two ends meet* 'сводить концы с концами'), невозможности (*when two Sundays come together* 'когда будет два воскресенья подряд; после дождичка в четверг'). Литовское числительное *du* также употребляется в ФЕ, отражающих неприятный жизненный опыт (часто в сочетании с другими числительными): бедность (*du tuščius, trečią nepilną* 'два пустых, третья неполная, т.е. совсем ничего'), отсутствие необходимого (*nei du nei vienas* 'ни два, ни один, т.е. пустая болтовня', *nei vienas nei du* 'ни один, ни два, т.е. дрянной, плохого качества', *kur vienas kur du* 'где один, где два, т.е. редко'). Важно отметить, что в обоих языках числительное *два* часто выступает в паре с числительным *один*, что создает эффект контраста, причем в английском языке вместо *one* может использоваться неопределенный артикль: *an hour in the morning worth two in the evening* 'один час утром стоит двух часов вечером, т.е. утро вечера мудренее'.

Числительное *three/trys* 'три' встретилось в составе 7 английских и 1 литовской ФЕ, передающих как положительные, так и отрицательные коннотации: *three cheers for someone or something* 'троекратное ура в честь кого-либо', *when three know it, all know it* 'что знают трое, то знают все', *the best fish smell when they are three days old* 'лучшая рыба портится через три дня (о гостях, которые долго не уезжают)', *three sheets on the wind* 'мертвецки пьяный, пьяный в стельку', *nė trijų nesuskaito* 'до трех не посчитает, т.е. невежественный, безграмотный'.

Числительное *four/keturi* 'четыре' не является частотным компонентом в фразеологизмах исследуемых языков: 5 употреблений в английских ФЕ и 3 – в литовских. Значения таких ФЕ в обоих языках связаны с частями тела людей и животных: *a horse stumbles that has four legs* 'конь о четырех ногах, да спотыкается, т.е. любой может ошибиться' и *on all fours* 'на четвереньках'; *ant keturių segtas/pasegtas* 'на четыре (ноги) подкован, т.е. очень умный или хитрый' и *visas keturias ištiesti* 'все четыре (конечности) протянуть, расправить, т.е. умереть' (см. русская ФЕ с тем же значением – *протянуть ноги*). Кроме того, английские ФЕ могут передавать сему 'пространство/направление': *scattered to the four winds* 'отданные четырем ветрам, т.е. разбросанные по всему свету', *within these four walls* 'внутри этих четырех стен, т.е. секретно, конфиденциально', *the four corners of the world* 'четыре стороны света, т.е. со всех концов света'.

Числительное *five/penki* 'пять' используется для передачи двух основных значений в обоих языках (3 ФЕ в английском и 10 ФЕ в литовском):

1) знание/незнание (*to know how many beans make five* 'знать, что к чему, быть смышленным', *(iki) penkių nepaskaito/nesuskaito* '(до) пяти не сосчитает, т.е. невежественный, необразованный');

2) приветствие – метонимический перенос, связанный с количеством пальцев на руке (*to give a high five* 'дать пять, т.е. приветствовать хлопком ладони о чужую ладонь', *te penkis* 'вот, бери пять, т.е. протягивать руку для приветствия').

Дополнительно числовой компонент *пять* отражает семы ‘раннее время’ (*he that will thrive must rise at five* ‘кто хочет преуспевать, должен в пять утра вставать’) и ‘ерунда, глупость’ (*nei penki nei devyni* ‘ни пять, ни девять, т.е. ни то, ни се’, *trūksta penkių nuo šimto* ‘(о человеке) не хватает пяти из ста, т.е. невеликого ума’).

Числительное *six/šeši* ‘шесть’ – довольно редкий компонент английских и литовских фразеологизмов (3 ФЕ и 1 ФЕ соответственно). В английском языке *six* используется в сочетании с *dozen* ‘дюжина’ (*six of one and half a dozen of the other* ‘шесть штук одного и полдюжины другого, т.е. одно и то же, разница только в названии’), как часть существительного *sixpence* ‘шестипенсовик’ (*crooked sixpence* ‘гнутый шестипенсовик, т.е. счастливая монета, талисман’) и как аллюзия на исторические события (*be at sixes and sevens* ‘находиться в беспорядке; быть в запущенном состоянии’). В литовском языке числительное *šeši* входит в состав фразеологизма-возгласа, выражающего удивление, изумление: *O kad tave šeši!* ‘Чтоб тебя шесть!’, вероятнее всего подразумевающего шесть чертей или болезней (ср. *kad tave naiva* ‘черт тебя побери!’, где *naiva* обозначает ‘болезнь’).

Числительное *seven/septyni* ‘семь’ используется в литовских ФЕ (3 ФЕ) в значении ‘наивысшее качество’: *po septyniais užraktais* ‘за семью замками, т.е. недоступно’, *septynios saulės patekėjo* ‘семь солнц взошло, т.е. большая радость настала’, *septyni prakaitai išpila* ‘семь потов сошло, т.е. тяжело работать’. В то же время в английском языке выявлено 7 примеров, где числительное *seven* передает значение ‘много’: *seven cooks spoil the broth* ‘семь поваров испортят бульон; у семи нянек дитя без глазу’, *a fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years* ‘дурак может за час задать больше вопросов, чем умный ответит за семь лет’, *as drunk as seven lords* ‘пьяный до чертиков’, *one lie needs seven lies to wait upon it* ‘одна ложь тянет за собой семь’.

Числительное *eight/aštuoni* ‘восемь’ оказалось самым редким компонентом ФЕ: и в английском, и в литовском оно встретилось 1 раз в одном и том же значении ‘подвыпить, хватить лишнего, слегка перебрать’, но с разной образностью: *to have one over the eight* ‘выпить еще один сверх восьми’ и *aštuonnytos akys* ‘восьмой глаз’.

Числительное *nine/devyni* ‘девять’ весьма релевантно как для английской лингвокультуры (7 ФЕ), так и для литовской (20 ФЕ). Английские фразеологизмы с компонентом *nine* отражают мифологические концепты (*to be on cloud nine* ‘быть на девятом облаке, т.е. очень счастливым’, *a cat with nine lives* ‘у кошки девять жизней, т.е. живучий человек’, *a wonder lasts but nine days* ‘чудо длится лишь девять дней, т.е. все приедается’) и высокую степень/наивысшее качество (*dressed up to nines* ‘одетый вычурно, претенциозно’, *to crack somebody up to the nines* ‘превозносить до небес’, *the whole nine yards* ‘все, что возможно, все на свете’). В литовском языке числительное *devyni* используется, в основном, в разговорных формулах согласия (*devynios nematė* и *trauk tave devyni/devynios* ‘ладно, согласен, оставим это’) и удивле-

ния (*O kad tave devyni!* ‘Чтоб тебя девять!, т.е. не может такого быть’), а также в значении ‘слишком много’ – *devyniais važiuoti* ‘девятью (дорогами) ехать, т.е. сильно угождать, потакать’, *devynios auklės, vaikas be galvos* ‘девять нянек, дитя без головы, т.е. без присмотра’, *devyni avinai daužosi po galvą* ‘девять баранов бьют по голове, т.е. голова кругом идет’, *devynios bažnyčios/bėdos* ‘девять церквей/бед, т.е. тяготы, хлопоты, бедствия’, *devynios galybės* ‘девять легионов, т.е. видимо-невидимо’.

Числительное *ten/dešimt* ‘десять’ (в 3 английских ФЕ и 5 литовских ФЕ) используется в сочетании с другими числительными и указывает, метафорически либо метонимически, на руки человека (десять пальцев): *to know as one knows his ten fingers* ‘знать, как свои десять пальцев, т.е. очень хорошо’, *two eyes upon ten fingers* ‘два глаза на десять пальцев, т.е. смотреть в оба, внимательно’, *te penkis, bus dešimt* ‘вот тебе пять, будет десять (приветствие)’. Особняком стоит поговорка шотландского происхождения *There never was a five pound note, but there was a ten pound road for it* ‘не получил и пяти фунтов, но потратил десять фунтов на дорогу, т.е. неоправданно большие затраты для получения небольшой выгоды’ (ср. *За морем телушка – полушка, да рубль перевоз*), в которой подчеркивается идея о бессмысленности поисков счастья в чужих краях, что хорошо согласуется с шотландским менталитетом.

Таким образом, наиболее важным числовым компонентом английских и литовских фразеологизмов, передающим самые разнообразные значения, оказалось число *один* (*one/vienas*). При этом для английского языка весьма частотным компонентом ФЕ является число *два* (*two*), а для литовского языка – число *девять* (*devyni*). Общность передаваемой фразеологизмами семантики связана с универсальностью процессов метонимического переноса (число *четыре* ассоциируется с четырьмя конечностями, *пять* – с пятью пальцами на руке, *десять* – с числом пальцев на обеих руках) и гиперболизации (*семь* и *девять* – значит ‘много’), а также мифологической концепции мироустройства (символизм чисел *семь* и *девять*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредис, М. А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. А. Бредис. – М., 2017. – 23 с.
2. Голембовская, Н. Г. Лингвокультурные антиномии в русских и литовских паремиях : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. Г. Голембовская. – Волгоград, 2014. – 25 с.
3. Голубенко, О. М. Фразеологизмы с компонентом *kom/katė* в русской и литовской языковых картинах мира / О. М. Голубенко // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. – 2016. – № 2. – С. 20–26.

4. *Богоявленская, Ю. В.* Сопоставительный анализ национально-культурной специфики эмотивных фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в английском и русском языках / Ю. В. Богоявленская, Е. С. Симонова // *Многоязычие в образовательном пространстве.* – 2018. – № 10. – С. 75–82.
5. *Воробьева, Л. Б.* Национально-культурная специфика репрезентации соматизмов в русских и литовских фразеологизмах / Л. Б. Воробьева // *Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки.* – 2014. – № 5. – С. 214–217.
6. *Маюк, Е. П.* Семантика и функции лексических средств реализации категории квантитативности в белорусских и английских поговорках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. П. Маюк. – Минск, 2014. – 177 л.
7. *Cambridge International Dictionary of Idioms.* – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998. – 504 p.
8. *Cambridge Cobuild Dictionary of Idioms.* – London : HarperCollins Publishers, 1995. – 493 p.
9. *Frazeologijos žodynas / Lietuvių kalbos institutas ; redaktorių kolegija: J. Palauskas [et al.].* – Vilnius : Lietuvių kalbos institutas, 2001. – 886 p.

А. А. Макоўскі

г. Мінск, Беларусь

САЦЫЯКУЛЬТУРНАЯ СТРАТЫФІКАЦЫЯ РАМАНА-ГЕРМАНСКАЙ ЛЕКСІКІ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Геаграфічнае месцазнаходжанне нашай краіны з даўніх часоў вызначае яе актыўныя палітыка-эканамічныя сувязі з іншымі заходнімі і ўсходнімі краінамі. Такія сувязі сталі асновай для моўных кантактаў беларускай этнакультурнай супольнасці з многімі сусветнымі этнасамі і культурамі. Маўленчае ўзаемадзеянне накладвае адпаведны адбітак на сістэмы моў-рэцыпіентаў, актывізуючы працэсы папаўнення слоўнікавага складу дадзеных моў шляхам пранікнення ў іх лексічную структуру іншамоўных украпленняў з іх далейшым засваеннем і кадыфікацыяй.

Прычыны лексічнага запазычання можна класіфікаваць на знешнія і ўнутраныя. Да асноўных знешніх прычын можна аднесці цесныя палітычныя, гандлёва-эканамічныя сувязі паміж народамі і неабходнасць абазначэння з дапамогай іншамоўнага слова пэўнай новай з’явы або паняцця і вынікаючыя з гэтых працэсаў змены ў менталітэце народа-носьбіта мовы-рэцыпіента. У якасці асноўных унутрылінгвістычных прычын Л. П. Крысін вылучае тэндэнцыю да большай дыферэнцыяцыі моўных сродкаў па сэнсе і тэндэнцыю да замены апісальных паняццяў аднаслоўнымі [1, с. 11]. Да таго ж працэсы запазычання падпарадкоўваюцца сацыяльна-псіхалагічным фактарам, сярод якіх адным з найбольш істотных з’яўляецца ступень камунікатыўнай актуальнасці паняцця, што абазначаецца запазычаным словам [2, с. 58].